

Итак, будучи связан своей служебной деятельностью с центральной властью, с новыми порядками, Ф. Карпов тем не менее не сочувствовал этим порядкам и находился в скрытой оппозиции к центральной власти, имея связи с боярскими, консервативными кругами. Боясь навлечь на себя гнев правительства, Ф. Карпов таил свое недовольство в себе и, даже когда высказал свое отношение к существующему строю, выступил не открыто, а в замаскированной форме.

Таким образом мы видим, что личность Ф. Карпова очень противоречива: с одной стороны, его служебная деятельность непосредственно служила укреплению централизованного государства, с другой стороны, его мысли и взгляды резко расходились с его служебной деятельностью.

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте: чем являлось „западничество“ Ф. Карпова?

В. Ф. Ржига разбирает этот вопрос, не учитывая социальной принадлежности Ф. Карпова. Он оценивает „западничество“ Ф. Карпова положительно, считая его показателем передовых взглядов. Однако „западничество“ Ф. Карпова имеет другую основу. Оно связано с неприятием современных ему порядков, что являлось характерным для консервативно настроенных боярских кругов.

Реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские. Отсюда у Ф. Карпова ссылки на идеальное государство Аристотеля, которые дают возможность показать неприемлемость для него русского строя, отсюда и его обращение к Овидию — знаменитая фраза „ныне брани везде“, которая перекликается с точно таким же высказыванием казненного Берсеня-Беклемишева.

„Западничество“ Ф. Карпова не показатель прогрессивности, а, наоборот, показатель реакционности его взглядов, что особенно ярко проявилось в „Послании митрополиту Даниилу“.